

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ОБ ЭМЕРДЖЕНТНОСТЯХ И СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

Социальные эмерджентности в условиях усиления социокультурных флуктуаций начинают играть значимую роль микро и макро факторов, актуализируя управленческие инновации социальных акторов в социальных взаимодействиях.

Наиболее активные поиски социальных эмерджентностей сосредоточены в топологических пересечениях социальных пространств: управления-информационности-мобильности-изменчивости (Дракер, Кастанельс, Урри, Мол, Будурайдис)[1]; глобальности-суверенности-элитарности-гражданственности (Хабермас, Луман, Крозье, Турен)[2]; риска-кризиса-адаптивности-трансформационности (Бек, Штомпка, Ядов, Белл)[3]; ресурсов-эффективности-коммуникативности-ценностей (Фукуяма, Акофф, Араго, Бурдьё, Федотова)[4].

Синергизм наук, как отмечает Д. Белл[5], «изменяет систему аксиом и устанавливает новые связи на стыках, что изменяет топологию. Когда две науки объединяются в одну, новая сеть оказывается более богатой и четкой, чем простая сумма двух частей».

В наше время попытку установить связь между эмерджентностями и социальными трансформациями сделал Р. Бхаскар[6], который предложил рассматривать эмерджентность как направление социологической мысли, которую «интересуют, по меньшей мере, в качестве образцов или моделей, устойчивые отношения между индивидами (и группами) и отношения между этими отношениями (а также между такими отношениями и природой и результатами подобных отношений)»[7]. Созданная Бхаскаром трансформационная модель социального действия исходит из посылки, что «люди в своей сознательной деятельности по большей части бессознательно воспроизводят (*и попутно преобразуют*) структуры...»[8]. Однако именно модель «попутного преобразования» не была формально завершена Бхаскаром как социальная теория.

М. Арчер продолжает обсуждение трансформационной теории Бхаскара в рамках собственного морфогенетического/морфостатического подхода к социальным структурам[9]. Но эмерджентность ею трактуется лишь как «открытие» структурных закономерностей, проявляющихся в процессах самоподдержания динамической устойчивости социальной системы. Дилемма заключается в том, что подход, основывающийся на «познании» эмерджентности, предполагает структурный и функциональный контроль и поддержку устойчивости систем, но не их трансформации. Это противоречие ни Р. Бхаскар, ни М. Арчер, не разрешают, хотя уже оперируют понятием трансформаций.

Будем исходить из того, что социальные эмерджентности возникают при синтезе социальной системы, свойства которой определяют микро-факторы, с ее социокультурным контекстом, определяемым макро-факторами[10].

Алгоритм выявления комплементарностей, включает: распознавание

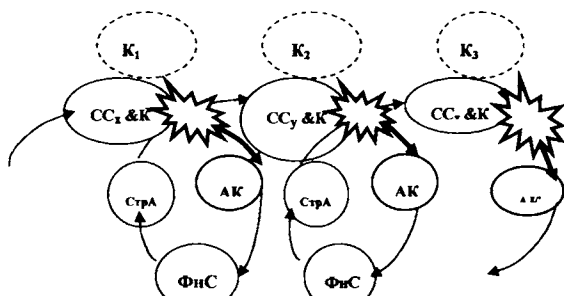

Рисунок Метод выявления комплементарности

эмерджентностей (Эм), возникших в результате синтеза системы и контекста; анализ системных комплементарностей (АК), проявляющихся как возникновение новых функций или свойств системы в результате синтеза системы с ее контекстом (ССК); оценку системного эффекта, функциональный синтез возникающих комплементарностей социумов (ФнС); выявление структурных изменений, вызываемых требованием реализации возникших функций и оценка структурной изменчивости системы для поддержки эффективных трансформаций и открытости к новому синтезу с окружающей средой (СтрА); оценку готовности новой системы к системному синтезу с новым контекстом, обладающим новыми управляющими параметрами (ССК). Далее наступает следующий цикл выявления эмерджентностей, и т.д.

Синтез социальной системы с внешним контекстом пробуждает ранее неустойчивые свойства социумов. Например, в открытом информационном обществе информациональность социумов возникает как эмерджентность.

Комплементарность в системе возникает как результат различных сочетаний актуализированных социальных эмерджентностей (микрофакторов). Увеличение динамики, неравновесности, неоднородности, энтропийности и самоорганизации социальных систем, придают особую значимость комплементарным свойствам социальной системы. Комплементарности социальных систем, взаимообусловленные неравновесной социальной динамикой, недоступные обнаружению в линейной и организмической парадигмах отчетливо различимы в системной эволюционной парадигме.

Развитие концепции социальной эмерджентности в контексте постоянного синтеза системы с окружающей средой предлагает возможности моделирования влияния различных сочетаний микро и макро-факторов на социальную динамику открытых, далеких от равновесия флуктуирующих социокультурных систем, приводит к пониманию альтернатив выбора социальной системой путей ее эволюции. Семантическое моделирование и системный эволюционный подход позволяют выявлять социальные эмерджентности, рассматривать их как социальные факторы и включать в прогнозы цивилизационных сдвигов, лифтов и падений. Этот подход взаимосвязан со сменой мировоззренческих парадигм.

Системный эволюционный подход позволяет выявить макро и микро-факторы социальной динамики. В многообещающем разнообразии системный подход наиболее успешно развивается теорией управления бизнесом. Однако перенесение бизнес технологий на управление социальными процессами сталкивается с имманентными ограничениями. Это заставляет социологов, знакомых с разработками современного менеджмента, артикулировать опасности переноса представлений об операционно

замкнутых бизнес-системах (корпорациях) на социокультурные системы – открытые, флуктуирующие, обладающие многими центрами самоорганизации. Следует заметить, что гуру современного менеджмента, в свою очередь, весьма настороженно относятся к проникновению социологов в сферу их знаний: «социология – самая бесполезная наука». Но приходится принимать эти уколы – и как колючую правду, и как интеллектуальный вызов.

Роль социологов в том, чтобы выявить гуманистическую основу социальной динамики. Общество XXI века получило в наследство «элитарное» управление с арсеналами оружия массового уничтожения – от атомного до нано. Мировой кризис 2007-2010 гг. выявил неотвратимость глубинных социальных трансформаций, обострил извечный вопрос о Добре и Зле, моральности и аморальности элитарного управления. Возведение в абсолют эконократии, технократии, политократии или милитократии, не способствует разрешению кризиса общественных взаимодействий, ускоряет структурную деградацию общественной системы.

В современном обществе накапливается недовольство элитарными моделями управления, понимание их несоответствия быстро изменяющемуся открытому обществу. В ответ автократии пытаются «заморозить» процессы самоорганизации, задерживать рост информативности, маргинализировать общественные движения, дискредитировать демократические и гражданские институты, растлить общество. Распадающаяся власть самоорганизуется в военные хунты, которые бросают вызов не только демократическим процедурам, но и нормам морали и права. Власть начинает крестовый поход против общества под знаменем антитеррористической борьбы. На угрозы «массового уничтожения» гражданский социум отвечает самоорганизацией, что ведет к ускорению социальной динамики. В условиях нарастающей социальной неустойчивости и открытости общества формируется новая гражданская социальная идентичность, взаимодействующая со стремительно насыщающейся информационной средой, обладающая способностью к самоорганизации, к изменению информационных и культурных кодов, артикулирующая смыслы базовых ценностей и ценностей их согласования.

Социальные процессы в своей динамике сравнимы с тектоническими – исполнены силы, непредсказуемости и неотвратимости. Роль социальных мыслителей в том, чтобы содействовать, но не власти, а гражданскому социуму – основной тектонической силе – сформировать новое видение, новые модели взаимодействий, новые практики их реализации, выявить возможности выбора будущего в понимании альтернативности этих возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке, 2001; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура, 2000; Urry John. The New Mobility Paradigm, 2002; Урри Д. Социология за пределами обществ. Мобильности XXI века, 2001; Boudoudrides M. Network, Fluids, Chaos, 2001.
2. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на XX век, 2003; Луман Н. Понятие общества, 1994; Крозье М. Интеллектуальный кризис. Эссе о неспособности элит к самореформированию, 1998; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, 1998.
3. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска, 2002; Штомпка П. Социология социальных изменений, 1996; Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал, 2001; Белл Д. Социальные рамки информационного общества.
4. Фукуяма Ф. Великий Разрыв, 2004; Rassel L.Akoff & Sheldon Rovin. Redesigning Society, 2003; Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований, 1995; Бурдье П. Социальное пространство и

символическая власть, 1990; Федотова В.Г. Европейский «третий путь» и его символическое значение для России и других стран, 2002.

5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://NetHistory.Ru/biblio/1043172230.html>, свободный, (25.10.2005).
6. Бхаскар Р. Общество. Социологос, вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 219-240.
7. Бхаскар Р. Там же. С. 222.
8. Бхаскар Р. Там же. С. 228.
9. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4.
10. Миронова Н.И. Гражданский социум в современном государственном управлении. Социальная динамика. Челябинск, ООО «Полиграф-Мастер», 2007. С.41-82

Волкова Т. И., г. Челябинск

БОЛЕЗНЬ И АБЕРРАЦИЯ: К ВОПРОСУ О СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В современном обществе болезнь приобретает всё более социальный, а точнее – асоциальный характер. По данным Российского статистического ежегодника 2007 г. в России зарегистрировано 13 014 000 инвалидов (2/3 из них имеют 1-2 группу инвалидности, т.е. нетрудоспособны). Онкологический диагноз поставлен для 2 466 000 человек. Больных с психическими расстройствами – 1 764 000, а количество ВИЧ-инфицированных достигло 237 237 человек. Прогрессирует туберкулез, его только активной формой страдают 289 000 человек [1, с. 281-288]. Количество инвалидов и хронических больных, имеющих частые рецидивы, в нашей стране неуклонно растет. Учитывая тот факт, что рождаемость довольно низкая, а количество трудоспособного населения значительно сокращается с каждым годом, все это может привести в недалеком будущем к серьезным экономическим и социальным проблемам. Исходя из этого, закономерно выступают следующие актуальные вопросы: Что такое “болезнь”? Каков характер взаимоотношений между “болезнью” и “обществом”?

Древние греки, заложившие основы научной медицины и врачебной этики считали, что люди болеют в силу естественных причин, находящихся в самом организме и во внешней среде. Гиппократ считал, что человек может быть здоровым, если будет вести правильный образ жизни, а это – соблюдать умеренность во всём, заниматься спортом, жить в гармонии с собой и природой. [2, с. 214-220.]. Врачи же призваны лечить больных и “возвращать” их в общество. Платон считал, что в случае невозможности исцеления должен действовать непреложный закон – уничтожение. “Кто в положенный человеку срок не способен жить, того... не нужно и лечить, потому что такой человек беспомощен и для себя, и для общества”[3, с.193.]. Идеи Платона в отношении больных и неприспособленных к общественной деятельности разделяет его ученик Аристотель: “...ни одного калеку выращивать не следует”[4, с. 623.]. Сенека в разрешении тяжелой болезни видит только один эффективный способ – самоубийство. “Если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести вон измученную душу? И может быть, это следует сделать немного раньше должного, чтобы в должный срок не оказаться бессильным это сделать”. [5, с. 104.]. Античные философы, таким образом, болезнь считали не только социальным злом, но и уделом невежественных, слабых духом людей.

В Средние века и в Возрождение болезнь рассматривалась как наказание за грехи, и исцеление зависело от милости божьей.

В Новое время и век Просвещения отношение к болезни меняется. Великий моралист И. Кант был убежден, что долг каждого человека – благотворить, т. е. по мере